

«Ахматово слово ко Ивану» (о Послании 1480 г. хана Большой Орды Ахмата Ивану III)

Владимир Кучкин

«Akhmat's word to Ivan» (on the Letter of 1480 from Akhmat the Khan of the Great Horde to Ivan III)

Vladimir Kuchkin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

В 1884 г. известный знаток древнерусской письменности и древнерусской церковной литературы архимандрит Леонид (Кавелин) издал документ, которым сам он, судя по характеру его прежних трудов, вряд ли мог заинтересоваться. Но он обнаружил этот источник в сборнике XVII в. из Синодального собрания¹, крупной коллекции церковных манускриптов, а потому не оставил его без внимания и опубликовал в «Известиях Русского Археологического общества»². Документ представлял собой Послание хана Большой Орды Ахмата великому князю всея Руси Ивану III, но начинался необычно: «От высокихъ горъ, от темныхъ лесовъ, от сладкихъ водъ, от чистыхъ полъ. Ахматово слово ко Ивану. От четырехъ конецъ земли, от двюнадесять Поморий, от седмидесять Ордъ, от Болшие Орды. Ведомо да естъ: кто намъ был недругъ, что стал на моемъ царствѣ копытом, и яз на его царствѣ стал всеми четырьми копыты; [и] того Богъ убил своим копьем, дѣти ся того по Ордамъ розбежали; четыре карачи в Крыму ся от меня отсѣдили»³. Первые фразы Послания означали, что его автор — хан Большой Орды Ахмат — видел себя обладателем огромных земных пространств, где были настоящие, высокие горы, большие лесные массивы и просторные степи, реки с чистой водой. К московскому великому князю обращался повелитель громадного государства, которому подчинялись 12 поморий и 70 различных орд. Но этот великий повелитель испытывал и временные неудачи: Ахмат признавался, что на его царство в своё время «стал копытом» глава одной орды, только успех его оказался скоротечным. Ахмат встал на его царстве не одним, а всеми четырьмя копытами своего боевого коня, и его земли были покорены.

Архимандрит Леонид выяснил, что содержавшееся в документе сравнение «одного копыта» коня врага во владениях Ахмата с «четырьмя копытами» коня хана Ахмата в земле его противника, фраза «четыре карачи в Крыму ся от меня отсѣдили» относятся к противостоянию хана Большой Орды Ахмата с крымским ханом Менгли-Гиреем, в результате которого Крым стал подчиняться Ахмату. Победа над Менгли-Гиреем была одержана в 1476 г.

© 2018 г. В.А. Кучкин

¹ Современный шифр рукописи: ГИМ, Синод. Собр., № 272.

² Леонид (Кавелин), архим. Два акта XV в. с объяснительными к оным примечаниями // Известия Русского археологического общества. Т. X. СПб., 1884. Стб. 269–274.

³ Текст Послания хана Ахмата Ивану III цитируется по последнему изданию: Горский А.А. О ярлыке Ахмата Ивану III // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2(48). С. 112.

Другие исторические факты, о которых, по мнению публикатора документа, шла речь в Послании, относились к более раннему времени. Так, слова Послания «меж яз дорог один город наѣхалъ, тому ся так и стало. А Даньяра бы еси царевича оттоле свель, а толко не сведешъ, и яз, его ищучи, и тебя найду» имеют в виду, по представлению архимандрита Леонида, события 1472 г. Хан Ахмат воевал земли Ивана III дважды: в 1472 и 1480 гг. Летописи не содержали прямого свидетельства о захвате какого-либо русского города татарами в 1480 г. Но при первом нападении Ахмата на русские земли в 1472 г. ему удалось взять город Алексин, стоявший на правом берегу Оки. Захват Алексина произошел в результате штурма 31 июля 1472 г., причём штурмовавшие город «огнемъ запалиша его, и что въ немъ людеи было, все погорѣша»⁴. Можно ли под словами русского перевода Послания «один город наѣхалъ, тому ся так и стало» понимать быстрый захват Алексина, сожжение города и уничтожение его жителей, сказать трудно, но не вызывает сомнения, что в Послании говорится о каком-то русском городе (название его не приводится), который был захвачен ханом Ахматом. На взгляд архимандрита Леонида, это был Алексин. Так устанавливался и одновременно датировался ещё один не вполне ясный намёк на исторический факт, содержащийся в Послании хана Ахмата.

Оценивая в целом найденный им источник, архимандрит Леонид писал, что он подтверждает все краткие известия русских летописей о взаимоотношениях Ивана III с ханом Ахматом в 1472—1477 гг. (победа Ахмата над союзником Ивана III крымским ханом Менгли-Гиреем, разорение в 1472 г. Алексина, враждебное отношение Ахмата к служившему Ивану III касимовскому царевичу Даньяру). Кроме того, Послание содержит сведения о размере дани, которую должны были выплачивать русские Большой Орде во второй половине 1470-х гг., а также настойчивое напоминание о том, что со времен хана Батыея, завоевателя Руси, русские князья и бояре, постоянно или в присутствии татар, должны были носить свои шапки или колпаки с опущенным внутрь верхом, наглядно демонстрируя таким образом своё подчинение чингизидам. В целом же можно заключить, что обнаруженный им уникальный документ архимандрит Леонид расценивал как некое уведомление Ивана III ханом Большой Орды Ахматом о своих больших военно-политических успехах в 1476 г. и требование на этом фоне присылки к себе русской дани⁵.

Хотя после 1884 г. о взаимоотношениях Ивана III и хана Ахмата писали многие, найденный архимандритом Леонидом источник к исследованиям не привлекался. И только через много десятилетий к нему обратился К.В. Базилевич, посвятивший оригинальному памятнику специальную статью⁶. Базилевич исходил из того, что Послание (которое учёный называл ярлыком) появилось в один «из последних заключительных моментов» борьбы Ивана III с ханом Ахматом⁷. Он отметил, что слова Послания о наезде ханом Ахматом безымянного русского города могут быть отнесены только к городу Алексину, взятому татарами в 1472 г. (подтвердив правильность заключения архимандрита Леонида); что в Послании верно отмечено враждебное отношение Ахмата к царевичу Даньяру, сидевшему

⁴ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 242.

⁵ Леонид (Кавелин), архим. Два акта XV в. ... Стб. 271—273.

⁶ Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник Московского университета. 1948. № 1. С. 29—46.

⁷ Там же. С. 29.

в Касимове на Оке⁸. Но чтобы точнее выяснить, в какой именно момент вражды хана Ахмата с Иваном III — в 1476 г., после 1476 г. или в 1480 г. — появилось Послание, сначала, по мнению К.В. Базилевича, необходимо было решить более общую проблему: является Послание подлинным или представляет собой позднюю подделку. Учёный пытался решить такую дилемму на основании косвенных данных. «Несмотря на необычную форму ярлыка Ахмеда, особенно в его вступительной части, — писал исследователь, — ряд содержащихся в нём оборотов и выражений, несомненно, обнаруживают восточный источник. К ним относятся: “встал всеми четырьмя копыты”, в смысле овладения царством противника; “учинили сабельным концем” — победили оружием; “почен тобою в головах” — признан тобою повелителем или начальником; “пить ти у меня вода мутная”»⁹. Три из четырёх примеров использования в Послании восточных оборотов, приведённые К.В. Базилевичем, особых возражений не вызывают, хотя нельзя не заметить, что сами по себе они не могут быть доказательствами ни подлинности, ни поддельности источника. Но фраза «почен тобою в головах» к восточным оборотам причислена быть не может. Вопреки представлению Базилевича, считавшего, что слово «почен» — существительное, обозначавшее в Орде какой-то высокий чин, «почен» — это причастие, образованное от древнерусского глагола «починати» (начинать). Так, в статье 4 московско-рязанского договора от 2 августа 1381 г. читается следующий текст: «на московской сторонѣ почен Новыи городѣ, Лѣжа, Вереѣ, Боровескѣ и инаѣ мѣста рязанскѣ, которѣ ни бѣдѣтъ на тои сторонѣ, то к Москвѣ». Определяется территория, переходившая после Куликовской победы 1380 г. от Рязанского княжества к Московскому, начиная с Нового городка на р. Протве. В статье 6 того же соглашения слово «почен» встречается вторично: «А что на рязанской сторонѣ за Ѡкою, что доселе потагло къ Москвѣ почен Лопастна», т.е. на другом, правом берегу Оки, начиная с устья р. Лопасни¹⁰. В Послании хана Ахмата фраза со словом «почен» имеет совершенно иной смысл по сравнению с тем, какой придавал ей исследователь. Весь фрагмент Послания со словом «почен», а не такой краткий, как у Базилевича, позволяет точнее понять содержащуюся в нём мысль: «Только моя подати в 40 день не зберешь, а на себѣ не учнешь Ботыево знаменья носить, почен тобою в головах и всѣх твоих бояр з густыми волосы и с великими бородами у мене будутъ; или паки мои дворяне со гзовыми сагадаками и з сафьянными сапоги у тебя будутъ». Смысл сказанного в том, что Иван III должен был за 40 дней собрать и доставить хану Ахмату причитавшиеся ему подати, а внешне выглядеть так, как обязаны были смотреться люди, зависимые от ханов-чингизидов. Если этого не произойдёт, то Ахмат грозил, что начиная с самого Ивана III во главе, все его волосатые и бородатые бояре будут доставлены в Орду, или же на Руси вновь появятся воины Ахмата. Фраза, таким образом, содержала прямые угрозы самому Ивану III и окружающим его боярам. Об использовании в Послании восточных оборотов данная фраза никак не свидетельствует, но она является ключевой в характеристике политической направленности «Слова» хана Большой Орды.

К.В. Базилевич и сам чувствовал недостаточность указанных им четырёх примеров использования в Послании восточных материалов для установления подлинности документа. «Эти частные наблюдения, — писал историк, — хотя

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же.

¹⁰ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 254–255, 343, 344.

и важны для критики данного источника, но их нельзя признать достаточными для полного подтверждения его подлинности. Вопрос решается в результате проверки основных фактов и изучения тех исторических условий, при которых мог появиться настоящий документ»¹¹. Нужно заметить, что такая методическая установка исследователя не могла в полной мере решить поставленной им задачи. Признание определённого исторического источника подлинником или фальсификатом зависит не только от того, насколько точно отразились в нём «основные факты», но и факты мелкие, второстепенные или даже третьестепенные, насколько они согласованы между собой и не противоречат друг другу, могут ли они быть проверены показаниями других источников.

Но Базилевича прежде всего интересовал действительно большой и сложный вопрос: если хан Большой Орды победил крымского хана, как говорит Послание, то действительно ли это произошло в 1476 г.? Дату приводит Воскресенская летопись, которой в своё время воспользовался и архимандрит Леонид. Эта летопись под 6984 г. сообщала о том, что «посла царь Ахмать ордынский сына своего съ Татары, и взя Крымъ и всю Агизирѣву орду, а сына Агизирѣва Мингирѣя съгна, его же Турки посадиша»¹². Позднее тот же текст был обнаружен в Типографской летописи: «Того же лѣта посла царь Ахмать Ординский сына своего с Татары, и взя Кримъ, всу Азигириевоу Орду, а сына Азигириево съгна, егоже Турский посади»¹³. И Воскресенская, и Типографская летописи — памятники XVI в. В более раннем русском летописании сведений о захвате Крыма в 1476 г. ханом Большой Орды Ахматом нет. К тому же в процитированном отрывке из Воскресенской летописи есть поздние описки: отец крымского хана Менгли-Гирея назван Агиз-Гиреем (Агизиреем) вместо Ази-Гирея (Хаджи-Гирея). Правильно ли датировано в русских сводах XVI в. событие 1470-х гг., отраженное в Послании Ахмата? Ведь за год до этого, в июне 1475 г. огромный флот турецкого султана Мухаммеда II Завоевателя подплыл к Кафе (современная Феодосия), захватил её и подчинявшиеся ей города, а в итоге — всю Кафинскую землю. Из тюрьмы в Мангупе был освобожден ожидавший казни Менгли-Гирей и поставлен крымским ханом, при этом признав, естественно, свою зависимость от турецкого султана. Но если со своего места в 1476 г. был согнан вассал, то как на это должен был реагировать его могущественный сюзерен?

Чтобы ответить на этот вопрос, Базилевичу пришлось изучить публикации документов последней трети XV в. двора турецкого султана, вышедшие в свет в Турции в 1937—1940 гг. Он выяснил, что русское известие о захвате Крыма в 1476 г. ханом Ахматом вполне достоверно. Отсутствие отрицательной реакции турецкой стороны на это событие объясняется тем, что Ахмат сразу же признал верховенство Турции в Крыму, а турки, полагая, что Крымская орда — давняя часть Большой Орды, а не самостоятельное государственное образование, сочли, что правитель Большой Орды вправе менять администрацию на территории своего государства при выполнении всех требований, наложенных султаном на население этого государства. Но если в тексте Послания хана Ахмата Ивану III отразилось вполне достоверное крупное историческое событие, то, по мнению

¹¹ Базилевич К.В. Ярлык... С. 33. После слов «основных фактов» следовало бы пояснить: «отражённых в Послании».

¹² ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 183 и вар. 2, 3.

¹³ Там же. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 195.

Базилевича, это весомый аргумент в пользу признания Послания полноценным историческим источником, а не позднейшей недостоверной подделкой¹⁴.

Основывая своё главное заключение на изучении «основных фактов» и «исторических условий», учёный не оставил без внимания и некоторые «мелкие» реалии, позволявшие точнее характеризовать время появления и содержание Послания. Но отношение к таким деталям у исследователя было иным — не столь строгим и точным, как к «основным фактам». Базилевич позволял себе и неосновательные замечания, и нечёткие формулировки. В заключительной части работы он написал, что «ко времени “стояния на Угре” и следует отнести появление изучаемого ярлыка». «Стояние на Угре» историк датировал 8 октября — 11 ноября 1480 г.¹⁵ Но как Послание могло быть составлено в это время, если в его тексте содержится требование о присылке Ахмату в течении 40 дней полагавшихся ему податей именно в Орду, а не на Угру? На Угре представителями ордынского хана и русского великого князя могли быть достигнуты определённые договоренности, отразившиеся позднее в тексте Послания, но не написано само Послание.

Далее в работе К.В. Базилевича следовал другой, более обширный, пассаж, содержание которого прямо расходилось с его мыслью о написании Послания во время «стояния на Угре»: «Рассмотренная обстановка, нам кажется, соответствует тем условиям, при которых появление ярлыка Ахмед-хана получает удовлетворительное объяснение. Так же, как и во время переговоров на Угре, ярлык содержит основное требование об уплате выхода: «И ты б мою подать в 40 день собрал: 60 000 алтын, 20 000 вешнюю, да 60 000 алтын осеннюю». Таким образом, общий размер дани был установлен в 140 000 алтын, или в 4 200 руб. В ярлыке сообщается, что он был послан при отходе от «берега», т.е. от Оки. Мы считаем доказанным, что в промежутке между 1472 и 1480 гг. Ахмед-хан ни разу к Оке не подходил и что поэтому данное указание может быть отнесено только к неудачному походу 1480 г. В ярлыке находим указание на причины отхода и на время года, вполне совпадающие с условиями, при которых Ахмед-хан поспешно покинул свою ставку на Угре в ноябре 1480 г.: «А нынеча есми от берега пошел, потому что у меня люди без одеж, а кони без попон. А минет сердце зимы девяносто дней, и аз опять на тебя буду»¹⁶. К.В. Базилевича не смущало то обстоятельство, что сначала он говорил о написании Послания во время «стояния на Угре», а затем настаивал на том, что оно было послано в Москву ханом Ахматом после отхода от «берега», т.е. от правого берега Оки. Историк также утверждал, что это был единственный случай, когда Ахмат оставлял правый берег Оки. Но от какого же берега отступал Ахмат в 1472 г., когда он взял Алексин и настойчиво пытался перейти на левый берег Оки? Эти недоработки портили интересную работу Базилевича, а в конечном счёте не позволили дать получающуюся по Посланию хана Ахмата картину состояния Большой Орды и русско-ордынских отношений в первые дни после прекращения «стояния на Угре».

Впрочем, в более позднем исследовании К.В. Базилевич внёс поправки в свою аргументацию относительно времени написания Послания и более определённо назвал дату его появления. «Заключительные слова ярлыка, — писал

¹⁴ Базилевич К.В. Ярлык... С. 36, 38, 39, 42, 46.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Базилевич К.В. Ярлык... С. 45. Оценивая свидетельство Послания о 4 200 руб. русской подати Орде, Базилевич отметил, что такая цифра меньше указанной в завещании 1408 г. серпуховского князя Владимира Андреевича суммы в 5 тыс. руб. ежегодной ордынской дани.

Базилевич в 1952 г., — (“А нынеча есми от берега пошол, потому что у меня люди без одеж, а кони без попон. А минет сердце зимы девяносто дней, и яз опять на тебя буду”) довольно точно указывают на время года — начало зимы — и на те трудности, которые возникли у татар с наступлением холодов. Ахмед-хан дважды принужден был уходить от “берега” Оки: в 1472 и в 1480 г. Но к первому походу Ахмед-хана рассматриваемый ярлык не может быть отнесён, так как хан находился у Оки летом, в конце июля. Указанная в ярлыке обстановка вполне соответствует второй попытке Ахмед-хана прорваться к Москве в 1480 г. После бесплодной остановки на Угре Ахмед-хан отошёл 11 ноября, когда установилась зимняя погода и татары стали сильно страдать от наступивших холодов. “Сердце зимы” действительно кончалось через девяносто дней после ухода от “берега”, в середине февраля¹⁷. Базилевич совершенно напрасно воспринял фразу о «сердце зимы», как характеризующую время отхода хана Ахмата «от берега» Оки. 90 зимних дней — это вся зима, а не какая-то её часть. И по прошествии зимы повелитель Большой Орды грозился начать новый поход против Ивана III. Но в других своих утверждениях Базилевич был несомненно прав. Теперь он говорил уже не об одном, а о двух отходах Ахмат-хана от Оки, а описанный в Послании отход правильно относил к 1480 г. по тем фенологическим признакам, которые были отмечены в Послании. В итоге же исследователем делалось твёрдое заключение: «Таким образом, ярлык Ахмед-хана должен быть отнесён к ноябрю 1480 г.»¹⁸. От уточнения того, к какой части ноября: до 10 ноября (когда, по расчётам историка, ещё имело место «стояние на Угре»), 11 ноября (когда, по его словам, хан начал отход из чужих земель), или после 11 ноября, историк воздержался.

В конце 1960-х и в конце 1980-х гг. в США, где стали интересоваться взаимоотношениями крепнувшего единого Русского государства с другими странами, населёнными иными этносами, появились две работы, посвящённые Посланию хана Ахмата Ивану III. Первая из них вышла в свет в 1969 г. не в историческом, а в филологическом журнале и принадлежала перу молодого американского историка-слависта Эдварда Льюиса Кинана¹⁹. Снискавший впоследствии себе громкую, но скандальную известность попытками объявить фальсификатами целый ряд крупных исторических памятников средневековой Руси, свою борьбу с «русскими фальшивками» Кинан начал с того, что объявил подделкой тюркский документ — Послание хана Ахмата Ивану III. В нём он увидел московский фальсификат XVII в. Основание — разница формуляра Послания с формулярами сохранившихся джучидских документов. В последовавшей вслед за появлением статьи Кинана полемике его доводы исследователями разных стран были признаны неосновательными, и это представляется справедливым. В средневековой Руси были известны документы, по своему характеру аналогичные Посланию хана Ахмата. Это так называемые указные грамоты, которые рассылались правившими князьями по самым разнообразным случаям в различные места своих владений. По такой грамоте боярин срочно посылался на важные переговоры; княжеский разъездчик земель должен был провести границу между монастырским и волостным селами; другой боярин должен был арестовать

¹⁷ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 166—167.

¹⁸ Там же. С. 167.

¹⁹ Keenan E. The Yarlyk of Ahmed-xan to Ivan III // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1969. Vol. 12.

бывшего великокняжеского наместника и доставить его в Москву; городской сотский — распределить земли между крестьянами и монастырём и т.п. Многообразие ситуаций, которых касались указные грамоты, не позволяло составлять их по единой схеме, по одному формуляру. Это относится и к рассматриваемому Посланию. Хотя, например, его сопоставление с самым ранним указным документом, посланным на Русь золотоордынским ханом Менгу-Тимуром князю Ярославу Ярославичу около 1270 г., показывает, что определённые формулярные особенности грамоты XIII в. присутствуют и в Послании Ахмата²⁰. Чтобы выяснить его подлинность или подложность, сравнения формуляров недостаточно. Необходимо, как говорилось выше, точно датировать упомянутые в Послании исторические факты и на основании этого определить время составления и характер содержавшего такие данные документа.

Тем не менее новации Э. Кинана нашли поддержку. Его доводы как вполне состоятельные принял другой американский историк — Чарльз Дж. Гальперин²¹. Сам он считал, что «наиболее загадочным из источников, повествующих о Стоянии на Угре, является так называемый “ярлык” Ахмата Ивану III... Послание начинается с обращения к солнцу, луне, звёздам и тому подобного анимистического призыва, который мусульманин Ахмат никогда не использовал»²². Последние слова американского исследователя вполне справедливы, тем более что никакого обращения к солнцу, луне и звёздам в Послании Ахмата нет, и хан-мусульманин никаких постулатов ислама не нарушал. Чем вызвана столь грубая ошибка американского историка? Можно предположить, что он просто не читал текста Послания. Однако эта ошибка была использована для доказательства поддельности рассматриваемого документа. Гальперину не нравился также язык Послания, его содержание (подчинение Большой Орде других 70 орд, требование «астрономической суммы выкупа» с Руси — хотя из работ К.В. Базилевича он должен был бы знать, что эта сумма равнялась 4 200 руб., и была меньше годовой суммы дани, выплачивавшейся с части русских земель Орде в начале XV в.)²³, и, видимо, потому он совершенно не останавливался на очевидных реалиях Послания: сведениях о захвате Крыма ханом Ахматом, овладении им одним русским городом, ненависти Ахмата к царевичу Даньяру, отходе татар от «берега» в холодное время года. Вместо анализа этих свидетельств Ч. Гальперин безапелляционно заявил, будто «в любом случае, послание никоим образом не может считаться продуктом канцелярии Ахмата», это московская подделка позднего времени, созданная для высмеивания хана Большой Орды²⁴. Но зачем в сатирическое Послание вносить упоминание о том, что на царство противника Ахмат ступил «четырьмя копыты» своего коня, что в Крыму были его «четыре карачи», что при отходе восояси в 1480 г. ордынские лошади остались без «попонь», а сам отход был от «берега»? Что в этом было смешного или злорадного? Ровным счётом ничего. Просто Ч. Гальперин отказался анализировать текст памятника, который он, коль стал писать о монгольском иге, обязан был внимательно изучить.

²⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 30. С. 57. В грамоте Менгу-Тимура заголовок включает имя адресанта, термин «слово» и имя адресата. По такой же схеме построено и обращение Ахмата к Ивану III.

²¹ Halperin Ch. J. The Tatar Joke. Columbus (Ohio), 1986. Русский перевод: Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012.

²² Гальперин Ч. Татарское иго... С. 198.

²³ Там же. С. 198—199.

²⁴ Там же. С. 199.

Другой последователь Э. Кинана появился в России. В 1994 г. Я.С. Лурье выпустил книгу «Две истории Руси 15 века», где разобрал свидетельства русских летописей о «стоянии на Угре» в 1480 г. Коснулся он и Послания («ярлыка») хана Ахмата Ивану III. Сделал он это при анализе работы К.В. Базилевича о внешней политике Русского государства во второй половине XV в., оставив в стороне его специальную статью. «Привлѣк Базилевича, — писал Лурье, — в качестве источника по истории похода Ахмата и ещё один весьма поздний памятник — “Ярлык Ахмета-царя”, помещённый в сборнике XVII в., данном патриархом Никоном в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. В этом “ярлыке” Ахмет требует от Ивана III, чтобы он собрал “подать в 40 день в 60.000 алтын”, а сам “Ботыево знамение у колпока верх вогнув ходил, занеж блужные просяники”. Отвергнув предположение архимандрита Леонида, связавшего найденный им памятник с “потоптанием” басмы Иваном III, Базилевич всё же признал его подлинность и отнёс ко времени после отступления Ахмата от Угры. Абсолютную фантастичность этого “ярлыка” и его несоответствие подлинной восточной терминологии убедительно показал Э. Кинан»²⁵. Историографические оценки даже такой логичный и тщательный исследователь, как Лурье, делал так, как подавляющее большинство историков и филологов его времени: на основании общих выводов работы своего предшественника. А вот на какой основе строились такие выводы предшественника, какой конкретный материал для своих итоговых заключений он использовал, более поздних критиков не интересовало. В результате получалось, что старая работа оценивалась крайне субъективно, без должных и необходимых доказательств. Так поступил Лурье с работой Базилевича, а с другой стороны незаслуженно, как оказалось позднее, высоко оценил сочинение молодого Кинана. Основываясь на его выводах, Лурье объявил Послание хана Ахмата Ивану III памятником, отразившим не реальное, а легендарное восприятие событий 1480 г.²⁶

В 2000 г. увидела свет книга А.А. Горского «Москва и Орда». Естественно, в такой работе борьба Руси с Ордой в 1480 г. не могла быть оставлена без внимания. Она и описана автором. Боевые и дипломатические действия сторон с мая по ноябрь 1480 г., во многом определившие будущие отношения Москвы и Орды, автор изложил в 12 строках текста²⁷. Вместо подробного описания межгосударственных столкновений 1480 г. главное внимание уделено характеристикам «Послания на Угру» ростовского архиепископа Вассиана и ярлыку хана Ахмата. Оценить ярлык оказалось делом нелёгким. Положение А.А. Горского было сложным. С одной стороны, Базилевич вполне логично и обоснованно датировал ярлык ноябрём 1480 г. В 1983 и 1989 гг. были опубликованы исследования В.Д. Назарова и Ю.Г. Алексеева, посвящённые освобождению Руси от монгольской зависимости²⁸, где были ссылки на ярлык как на подлинный и достоверный источник, но сам этот документ не анализировался. Однако появились и труды американцев, сомнительные в своих подходах к «Ахматову слову» и в заключениях о его характере, а в некоторых случаях вообще приписывавшие ярлыку то, чего в нём никогда не читалось. В подобных сложных ситуациях необходимо было бы шаг за шагом, систематично, без исключений и пропусков проанализировать все

²⁵ Лурье Я.С. Две истории Руси 15 века. СПб., 1994. С. 171.

²⁶ Там же. С. 189.

²⁷ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 175–176.

²⁸ Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983; Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.

аргументы сторон и определить на чьей стороне истина. Горский вышел из положения, объявив, что «в тексте “ярлыка” есть указания на его связь с событиями трёх лет — 1472, 1476 и 1480. Поэтому не исключено, что дошедший до нас текст представляет собой составленную на Руси компиляцию из трёх посланий Ивану III. Первое было привезено в конце 1472 г., второе — послом Бочюкой в 1476 г. или несколько позже, после отказа Ивана явиться в Орду, третье последовало за отступлением от Угры в конце 1480 г. Частично текст этих писем, видимо, совпадал, поэтому их и несложно было объединить в одно; при этом компилятор включил в сводный вариант и те (указанные выше) места, которые встречались только в одном из посланий»²⁹. Как видим, заключение Горского точно следовало положениям книги Ч. Гальперина о ярлыке хана Ахмата, отличаясь одной особенностью. Источниками исторических реминисценций, содержащихся в тексте ярлыка, Горский объявил другие ярлыки того же хана. Однако ни прямых, ни косвенных доказательств существования таких документов учёный не привёл. Не смог он указать и на какие-либо аналогии той компиляции из трёх ярлыков, о которой он написал в своей книге. Выясняется, что два ярлыка и их соединение с третьим — фантазия Горского. Конечно, в ходе изучения прошлого у исследователей рождаются объяснения, которые позднее не подтверждаются. Так было с Э. Кинаном. У историков распространена шутка: один из них приходит радостно к коллегам и сообщает: «Я сделал открытие!». Но через неделю появляется с поникшей головой и признаётся: «Я сделал закрытие». Обнаружились, следовательно, факты и аргументы, которые сделали его первоначальные выводы ошибочными. Но никогда подобные открыватели не ставили домысленное ими в один ряд с фактами, почерпнутыми из первоисточников. Горский же включил вымышленные им источники в реальную историю XV в. Особенно уверенно звучало утверждение, что мифическое послание 1476 г. было доставлено в Москву «послом Бочюкой».

Логика, которой руководствовался историк, в определённой степени проясняется. Ярлык исходил от главы государства и предназначался главе другого государства. По представлениям Горского, он должен был быть объективным и нести всегда достоверные сведения. А если так, то пополнение одного ярлыка данными из других ярлыков не ущемляло ценности компилятивного ярлыка как доброкачественного исторического источника. Поэтому русские коллеги Горского могли не беспокоиться, ярлыком вполне можно было пользоваться, он сохранил правдивые известия, причём о событиях не одного года, а нескольких лет. Исследователь назвал три хронологических среза в ярлыке Ахмата. Первый, самый ранний, 1472 г. (год взятия Алексина, как о том писали архимандрит Леонид, Базилевич и сам Горский: «Речь идёт, несомненно, об Алексине (в 1480 г. ни один московский город не пострадал)»³⁰). Второй — 1476 г. (год появления в Крыму хана Ахмата, о чём обстоятельно писал Базилевич). Третий — 1480 г. (год «стояния на Угре» и отхода хана Ахмата в свои владения, как полагало подавляющее большинство учёных). Но автор монографии о Москве и Орде писал и о том, что в тексте ярлыка сохранилось, кроме перечисленных, сведение о событии 1465 г. («поражении, нанесённом Большой Орде Хаджи-Гиреем в 1465 г.»)³¹. Помимо сказанного, в ярлыке есть и другое историческое припоминание: «А вам ся есмя государи учинили от Саина царя сабелным концем», т.е. чингизиды, к числу

²⁹ Горский А.А. Москва и Орда. С. 177.

³⁰ Там же. С. 176.

³¹ Там же.

которых принадлежал и хан Ахмат, стали государями в русских землях со времен Саина (Батыя) с помощью военной силы. А откуда были заимствованы такие реминисценции? Горский по этому поводу ничего не сказал. Но если быть последовательным в объяснениях, то нужно признать, что не из средневековых трудов по истории, дипломатических документов, переписки или припоминаний, а всё оттуда же — из ярлыков. Относительно события 1465 г. это возможно, поскольку хан Ахмат участвовал в битве с Хаджи-Гиреем. Сложнее обстоит дело с посланием царя Саина. Взять хотя бы самое простое — его название. Как оно звучало: «Саиново слово ко Ивану III» или «Батыево слово ко Ивану III»? Горский мог бы открыть дискуссию по этому поводу, а последующие историки спорить на такую тему тысячелетиями. Но если говорить серьёзно, делается очевидным, что при тех догадках, на которых учёный основывает анализ ярлыка хана Ахмата, возникают такие противоречия, которые автор «Москвы и Орды» разрешить не может. Изучение источника оказывается неполным, как того требует стремящаяся к объективности наука, а эпизодическим, фрагментарным.

Показателен анализ А.А. Горским некоторых других исторических свидетельств этого документа. «Но никто из обращавшихся к тексту “ярлыка” не заметил, — отмечает Горский, — что в нём есть сразу несколько указаний на 1472 год, неуместных и в 1476, и в 1480 гг.»³². Далее автор рассматривает четыре свидетельства Послания, которые, на его взгляд, относятся к событиям 1472 г. Первой анализируется фраза «А крепкие по лесом пути твои есмя видели и водския броды есмя по рекам сметили». Горский считает, что данная фраза говорит о рекогносцировке, предпринятой Ахматом, а считать рекогносцировку положительным итогом всей кампании 1480 г. «было бы абсурдно»³³. С этим можно было бы согласиться, но приведённая фраза говорит не о рекогносцировке, а о глубокой и детальной разведке ордынцами русской обороны. Поскольку в исследовании абсурдов быть не должно, А.А. Горский предлагает датировать рекогносцировку 1472 годом — временем первого нападения хана Ахмата на Русь. Однако обращение к описанию этого нападения в источниках показывает, что оно было кратковременным — по летописи продолжалось всего 5 дней (сам Горский называет даже более короткий срок — 3 дня, но не даёт ссылки на источник). По летописи же 28 июля 1472 г. передовые части татар появились близ Алексина и разогнали сторожевые отряды Ивана III. Алексинцы сели в осаду. Рано утром 29 июля в среду татары подступили к городу и завязали бой. В четверг 30 июля они сделали примёт к городским стенам, а 31 июля штурмом взяли город, понеся и сами большие потери³⁴. Однако сразу же после падения Алексина победители ринулись к Оке, пытаясь выйти на её левый берег. Русские полки, стоявшие на этом берегу, и подходившая к ним военная помощь, не дали ордынцам этого сделать. Бои продолжались много часов. Но когда 1 августа к Оке подошёл хан Ахмат с основными силами, он понял, что его противник более многочислен и лучше вооружён. Хан начал отходить в свои кочевья. Послание, в котором говорится, что Ахмату известны пути в лесах, ведущие к Москве, т.е. по левому берегу Оки, и броды на реках, а не на одной реке, не могло быть написано в 1472 г. Для столь подробного ознакомления с русской обороной, о котором говорится в Послании, одного дня, в течение которого шли постоянные бои, явно не хватило бы. В Послании речь может идти только об организации русской обороны в 1480 г.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 193.

Второе событие, которое А.А. Горский датирует 1472 г., — это взятие Ахматом Алексина. Об этом было сказано выше. Третий эпизод — упоминание царевича Даньяра: «А Даньяра бы еси царевичя оттоле свель, а толко не сведешь, и яз, его ищучи, и тебя найду». Историк полагает, что в событиях 1480 г. Даньяр не принимал участия, что само по себе странно. Даньяр — татарский хан-чингизид на службе Ивана III, которому специально была поручена охрана юго-восточных и южных русских рубежей. Поскольку ни прямых, ни косвенных свидетельств о действиях Даньяра в 1480 г. Горскому найти не удалось, он решил, что в Послании речь идёт о действиях Даньяра в 1472 г., ведь в летописях «в качестве одной из причин отступления Ахмата (в 1472 г. — *В.К.*) назывался страх, что служилые царевичи великого князя Данияр и Муртоза “возьмут Орду”»³⁵. Порождает ли страх, а не действия, ненависть, которую испытывал Ахмат к Даньяру, — неизвестно, но если всё было так, как описывает учёный, то почему ничего не сказано о Муртозе? Называя только одного Даньяра, Послание имеет в виду события 1472 г. или всё-таки иные? Вопрос повисает в воздухе. Горский прокомментировал также выражение «оттоле свель» относительно Даньяра. «Под “оттоле”, — пишет он, — имеется ввиду Касимов, стоящий на Оке»³⁶. Но наречие «оттоле» не содержит географического определения места, откуда Иван III должен был свести служившего ему хана. Горский не объясняет, почему он решил, что это был Касимов. Летопись свидетельствует о другом. Она сообщает, что, отражая нападение хана Ахмата в 1472 г., «царевич Даньяр Каисымович на Коломнѣ стоит с татары, и многие воеводы князя великого с ним»³⁷.

Последняя историческая деталь, нашедшая отражение в Послании хана Ахмата и относящаяся к 1472 г., это, по мнению Горского, указание на уплату Большой Орде дани. «Размер требуемой дани — 1 800 руб., — пишет исследователь, переводя алтыны источника в рубли, — слишком велик, чтобы видеть в нём долг за девять (до 1480 г.) или даже за пять (до 1476 г.) лет; более вероятно, что это долг за один или два года (1471 или 1471 и 1472), который Ахмат требовал в конце 1472 г.»³⁸. Однако ни о каких требованиях Ахмата к Ивану III уплатить дань ни в начале, ни во время похода хана Большой Орды на Алексин 28 июля — 1 августа, ни в конце 1472 г. источники не говорят. К тому же приведённая цитата из книги Горского противоречит его утверждению, высказанному в той же работе несколько раньше: «последняя выплата — в 1471 г.»³⁹. Если последняя выплата дани Орде была в 1471 г., то никак нельзя утверждать, что в Послании речь идёт о долге «за один или два года (1471 или 1471 и 1472)». Учёный допускает, таким образом, существование двух взаимоисключающих ситуаций.

Однако самое любопытное в анализе А.А. Горским сведений Послания хана Ахмата о выплате дани заключается в ином. Изображая, как создавалось в Москве это Послание неизвестным фальсификатором, жившим между 1480 г. и серединой XVII в. (так в 2000 г. датировался единственный известный к тому времени список документа), он не обратил внимания на некоторые особенности «поддельного» текста. Мало того, что фальсификатор, сводя вместе данные трёх ярлыков, намеренно исказил название своего сводного труда, озаглавив его как «Ахматово слова ко Ивану» вместо более отвечающего сути дела «Ахматовы

³⁵ Горский А.А. Москва и Орда. С. 177.

³⁶ Там же.

³⁷ ПСРЛ. Т. XXXIX. М., 1994. С. 158.

³⁸ Горский А.А. Москва и Орда. С. 177.

³⁹ Там же. С. 167.

словесы ко Ивану», он, видимо, забыл широко известные нормы русского языка. Упомянув отход Ахмата от Оки, он написал «а нынѣча есми от берега пошел», употребив для отображения событий, происшедших «нынѣча», т.е. совсем недавно, глагол в форме перфекта. Однако при описании иных действий в тексте исследуемого источника употребляются глаголы будущего времени. Примеры такого употребления не единичны, а систематичны, что позволяет исключить какие-то языковые случайности: «и ты б мою подати въ 40 день собралъ», «толко моя подати в 40 день не зберешь», «у меня будут», «у тебя будут», «и тебе найдут», «пити ти у меня вода мутная», причём будущее время глаголов употребляется и тогда, когда речь идёт об уплате Орде податей. Если подати собирались в 1472 г., на чём настаивает Горский, то по отношению к 1480 г. это прошедшее время. Почему же при описании обстановки 1480 г. употребляется перфектная форма глагола, а при характеристике событий более ранних — глаголы будущего времени вместо плюсквамперфекта? Как такое могло произойти? Ответ прост: по причине исследовательского представления о том, будто в Послании Ахмата говорится о взимании выхода с русских земель в 1472 г. До сих пор учёное сообщество считало, что речь в Послании идёт о взимании с Руси податей в 1480 г., отказ от выплат которых и привёл к «стоянию на Угре». Упрёк Горского предшественникам, не разглядевшим в Послании фактов, относящихся к событиям 1472 г., должен быть снят, он не соответствует описанию событий в Послании.

Через несколько лет автору «Москвы и Орды» серьёзно повезло. В работах своих коллег Е.Б. Емченко и И.В. Зайцева он нашёл описания трёх рукописных сборников, которые содержали списки Послания хана Ахмата Ивану III. Теперь в распоряжении исследователей оказались не один, а целых четыре списка документа. Правда, все сборники были написаны в том же XVII в., разница в текстах Послания — незначительна (за двумя исключениями). Во-первых, вместо фразы «зане ж вы блужныя просяники» текста, опубликованного в 1884 г., в двух найденных списках было написано «зане ж вы плужные просяники», что точнее характеризовало производителей проса, культуры, которая иногда употреблялась в пищу кочевниками Большой Орды. Второе разночтение оказалось более интересным. Вместо текста, напечатанного архимандритом Леонидом («60 000 алтын, 20 000 вешнею, да 60 000 алтын осеннею») в самом старшем из ныне имеющихся четырёх списков Послания было написано «60 тысяч алтын вешнюю да 60 тысяч алтын осеннюю». Горский счёл, что чтение старшего списка является наиболее ранним, и вполне допустимо, что это так.

Под влиянием найденных списков А.А. Горский внёс некоторые поправки в свою характеристику Послания, изложенную в книге «Москва и Орда». Расположение во всех четырёх рукописях XVII в. непосредственно за текстом Послания хана Ахмата договора 1557 г. Русского государства с Ногайской ордой привело его к мысли, что эти тексты соседствовали с самого начала, когда они являлись ещё отдельными документами, хотя здравый смысл подсказывал, что для решения вопроса следует поискать русские рукописи, написанные после 1557 г., содержащие порознь или вместе такие документы, причём не по ссылкам других авторов, а в рукописных хранилищах или архивах. Предположение же об изначальном соседстве Послания с договором 1557 г. привело к заключению, что первоначально Послание Ахмата, адресованное в Москву, хранилось в Ногайской орде. Последовала увлекательная история о том, как один из убийц хана Ахмата ногайский мурза Ямгурчей нашёл этот документ в шатре погибшего хана и увёз с собой. Зачем надо было брать с собой совершенно бесполезный для ногайцев

документ, касающийся взаимоотношений двух иностранных государств, к тому времени уже потерявший свою действенность, Горский не объяснил. Но ещё более странно утверждение, будто у наследников Ямгурчея Послание хранилось 76 лет. Но по прошествии 76 лет, после оформления в 1557 г. союза с Москвой потомки Ямгурчея передали русскому правительству Послание Ахмата 1480 г. вместе с соглашением 1557 г. «В ситуации 1557 г. ногайскому бию, — пишет Горский, — было выгодно напомнить о помощи Москве против общего врага, о том, какую услугу оказал отец Иismaила деду Ивана»⁴⁰. Но ни Послание Ахмата, ни тем более договор 1557 г. не содержали записи о гибели Ахмата от рук Ямгурчея. Как же потомки Ивана III догадались, что присылка к ним Послания Ахмата означает напоминание о его убийстве Ямгурчеем хана и о помощи Москве?

Разбору и публикации текстов новых списков Послания А.А. Горский предпослал большое предисловие: «Автор этих строк в 2000 г. высказал мнение, что подделать текст ярлыка Ахмата в XVII веке было невозможно, т.к. в это время в России не могла быть известна такая упоминаемая в его тексте подробность, как “яз на его царствѣ стал всѣми четырьми копыты”, а также обратил внимание, что помимо отсылок к событиям 1480 (указание на уход ордынского войска “от берега”, т.е. от Угры и Оки, из-за отсутствия зимних одежд и попон для коней) и 1476 (упоминание о подчинении Крыма) гг., в нём есть ряд воспоминаний о событиях 1472 г., когда Ахмат попытался совершить свой первый поход на Москву. Наиболее показательными здесь являются слова: “Меж дорог яз один город наѣхаль, тому ся такъ и стало”, явно отсылающие к взятию города Алексина в 1472 г. (в 1480 г. ни один город, входивший в состав Московского великого княжества, не пострадал); в 1480 г., после гораздо более масштабной кампании, двухмесячного “стояния” на Угре, вспоминать этот эпизод было явно не к месту. В результате было выдвинуто предположение, что ярлык являет собой составленную на Руси компиляцию из трёх посланий Ахмата Ивану III — 1472, 1476 и 1480 гг., текст которых частично совпадал»⁴¹. Принципиальная оценка Горским Послания Ахмата в 2012 г. осталась той же, что и в 2000 г. Послание признаётся скомпонованным на Руси из трёх разных восточных источников, т.е. фальсификатом, который не мог исходить из канцелярии хана Большой Орды Ахмата, как на то указывает заголовок этого документа. Однако через несколько страниц, в общем заключении к публикации Горский пишет, что Послание — «несомненно подлинный памятник»⁴². Исследователь, видимо, ведёт речь о настоящем, оригинальном Послании хана Ахмата. Однако такая оценка рассматриваемого документа прямо противоречит его заявлению о том, что «ярлык являет собой составленную на Руси компиляцию из трёх посланий Ахмата». Компиляция по определению не может быть оригинальным документом.

Характеристикой публикации 2012 г. Послания хана Ахмата Ивану III можно завершить рассмотрение учёных мнений относительно этого источника. Приходится констатировать, что до сих пор исследователи не пришли к единому мнению о времени и месте написания Послания, его содержании и цели. Диаметрально противоположные взгляды учёных на происхождение «Ахматова слова ко Ивану» (подлинник или подделка, хотя мнение о поддельности памятника преобладает), на степень достоверности его свидетельств (невероятно большая сумма требуемых выплат или слишком малая), заставляют ещё раз

⁴⁰ Горский А.А. О ярлыке... С. 107.

⁴¹ Там же. С. 104–105.

⁴² Там же. С. 112.

проанализировать содержание Послания, обратив внимание не только на основные факты и историческую обстановку, к чему в своё время призывал К.В. Базилевич, но и на мелкие детали событий, отражённых в источнике.

Начать следует с рассмотрения текста, который уже был приведён на первых страницах данной работы: «меж яз дорог один город на⁴³халь, тому ся так и стало. А Даныяра бы еси царевича оттоле свель, а толко не сведешь, и яз, его ищучи, и тебя найду». Прочитанное место Послания Ахмата свидетельствует о том, что хан Большой Орды сумел захватить один русский город. В своё время этот город был отдан Иваном III в управление татарскому царевичу Даныяру. Очевидно, что в мирное время Даныяр был главным административным лицом в городе, а во время войны должен был защищать его. От хана Ахмата Даныяр его не защитил, хотя, видимо, причинил противнику серьёзный урон — почему Ахмат и искал его, чтобы наказать. Ахмат требовал также, чтобы Иван III «свелъ», т.е. удалил, Даныяра из города, в противном случае грозил захватом в плен и Даныяра, и самого великого князя Ивана. Как показал анализ работ, посвящённых Посланию хана Ахмата, русский город, захваченный Ахматом, был определён легко и сразу — это Алексин. На этом настаивал ещё первый публикатор Послания архимандрит Леонид, за ним — К.В. Базилевич и А.А. Горский. Однако администрацию Алексина в 1472 г. возглавлял не Даныяр, а воевода Ивана III Семен Васильевич Беклемишев, который с семьёй и слугами жил в Алексине⁴⁴. Царевич Даныяр, хотя и отражал в 1472 г. нападение Ахмата, находился, как уже отмечалось, в другом городе — Коломне. Таким образом, выясняется, что в Послании хана Ахмата говорится не о захвате Алексина в 1472 г., а совсем о других событиях и о другом городе.

Выяснить, что это был за город, позволяет Софийская II летопись. Она сообщает, что уже в первое появление ордынцев у Оки они опустошили земли бассейна Беспуты («поймаша Безпуту»)⁴⁴. Беспута — река, правый приток Оки, впадающая в неё восточнее Серпухова. К реке Беспуте большой разведывательный отряд ордынцев подходил с востока или с юго-востока, он шёл к ней от Дона, который несколько позднее перешли, повторяя его путь, и основные силы хана Ахмата. При движении по правому берегу Оки к Беспуте татары никак не могли миновать построенный в XV в. город Каширу, расположенный примерно в 10 км к востоку от устья Беспуты. Этот город и был захвачен ими. Когда у Оки оказались главные силы Ахмата, то Каширу хан, видимо, использовал как резиденцию. Это объясняет действия Ивана III, который сразу же после перехода Ахмата от Оки к Угре (а это самый конец сентября 1480 г.) из Коломны, по свидетельству той же Софийской II летописи, «городок Коширу сам вел⁴⁵л сжечи и поб⁴⁵ѣжа на Москву»⁴⁵.

Правобережная Кашира, которую следует отличать от более старой, известной с XIV в. Каширы левобережной, была построена как оборонительный заслон от нападения различных татарских отрядов на правый берег Оки и далее на Москву и, в то же время, как плацдарм для преследования отходивших от Москвы противников. Учитывая положение новой Каширы на окском правобережье, московские князья стремились оборонять её не своими силами, а силами перешедших на их службу татарских ханов и их сыновей. Так обстояло дело с 1479 г.

⁴³ ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 158.

⁴⁴ Там же. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 290 (слово «безпуту» здесь ошибочно напечатано с маленькой буквы).

⁴⁵ Там же. Стб. 307.

до второй трети XVI в⁴⁶. Похоже, появление в 1480 г. в Кашире татарского царевича Даныяра было вызвано военной необходимостью.

Пребывание Даныяра в Кашире и его изгнание оттуда Ахматом в 1480 г. снимают всякие вопросы об отражении в Послании Ахмата каких-либо событий 1472 г.: они там не упоминаются, и все рассуждения о них оказываются надуманными.

Любопытно последнее высказывание Ахмата о царевиче Даныяре, направленное Ивану III: «яз, его ищучи, и тебя найду». Ключ к пониманию этой фразы дают летописные сведения об участии татарского царевича Даныяра в военных действиях. В 1471 г. Даныяр принял участие в походе Ивана III на Новгород Великий. Описывая выступление 20 июля 1471 г. из Москвы войск Ивана III, летопись отметила, что пошли «с ним царевичъ Даныяръ и прочии вои великого князя», причисляя царевича к великокняжеским ратникам⁴⁷. В 1472 г. Даныяр, как было выяснено выше, оборонял от хана Ахмата Коломну, причём летопись говорит, что в Коломне находились «многие воеводы князя великого с нимъ»⁴⁸. Другая летопись сообщает, что в 1472 г. Иван III, узнав об окончательном уходе хана Ахмата из пределов московских земель на свои зимовища, «възвратися к Коломнѣ, а с ним царевичъ Даныяръ, Трегубовъ сынъ, а оттоля и того почтив отпусти въ свои ему городокъ»⁴⁹. «Городками» в то время на Руси называлось несколько городов, в числе которых была и Кашира. Поскольку Даныяр постоянно упоминается или с воинами и воеводами Ивана III, или с ним самим, становится очевидным, что Иван III включил конницу Даныяра в состав своего «полка», т.е. войска, которое возглавлял он сам. Каким бы ни был маршрут передвижений Даныяра во время военных действий, в конечном счёте он должен был привести туда, где находился командующий всем войском — великий князь. Поэтому хан Ахмат не сомневался, что поймав Даныяра, он захватит и Ивана III, и в своём Послании открыто грозил последнему поимкой. Выясняется, что и некоторые второстепенные детали событий 1480 г., отражённые в Послании хана Ахмата, могут быть объяснены и подтверждены свидетельствами достаточно ранних русских летописных источников, говорящих о «стоянии на Угре».

Те же источники, но более поздние, помогают понять, что скрывается за словами «яз на его царствѣ стал всѣми четырьми копыты». Это, как уже говорилось, победа над крымским ханом Менгли-Гиреем, одержанная не самим Ахматом, а одним из его сыновей, но в ханском Послании целиком приписанная правителю Большой Орды. Вопреки представлениям о точности и высокой достоверности золотоордынских ярлыков они оказываются тенденциозными. Вся слава — главному лицу государства, даже если оно и не принимало участия в событии. Правда, А.А. Горский пишет о том, что Ахмат осаждал карачей («осада Ахматом четырёх “карачей” (сановников Крымского ханства) в крепости Крым»⁵⁰), т.е. воевал в Крыму сам. Думается, однако, что фразу «четыре карачи в Крыму ся от меня отсѣдили» нужно понимать иначе. Слова «от меня» надо относить к подлежащему «карачи», а не к сказуемому «ся отсѣдили». Хан Ахмат в своём Послании хотел напомнить Ивану III, что он не только разгромил крымского хана, но

⁴⁶ Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 278–279. Автор только не отмечает, что в его работе речь идёт исключительно о Кашире на правом берегу Оки.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 287.

⁴⁸ Там же. Т. XXXIX. С. 158.

⁴⁹ Там же. Т. XXV. С. 298.

⁵⁰ Горский А.А. О ярлыке... С. 104.

и посадил в Крыму свою администрацию («карачи... от меня»), несмотря на то, что Крым стал турецким. Подчёркивание же того обстоятельства, что целых четыре карача «ся от меня отсѣдили», т.е. отсиделись от осадившего их хана Большой Орды, явно умаляло военные достижения Ахмата и было неуместно в его Послании Ивану III. Но если «Ахматово слово» говорило не только о разгроме ханом Большой Орды крымского правителя Менгли-Гирея, но и о ахматовской администрации в Крыму, оно не могло быть написано в 1476 г., а только после 1478 г., когда власть над Крымом Менгли-Гирея была восстановлена. Существование ярлыка 1476 г. делается ещё одним мифом книги «Москва и Орда». Исторические реминисценции, имеющиеся в Послании хана Ахмата, — это просто ссылки на события недавнего прошлого и важнейшие события прошлого давнего, а отнюдь не заимствования из серии ахматовских «ярлыков» Ивану III.

Выше уже говорилось о том, что фраза Послания «А крепкие по лесом пути твои есмь видели и водския броды есмь по рекам сметили» должна относиться не к 1472 г., а к 1480 г. Кто и в какое именно время 1480 г. делал крепкими эти пути? Русская летопись сохранила рассказ об эпизоде, который, как представляется, имел отношение к тому, о чём написал хан Ахмат Ивану III. Софийская II летопись поместила сообщение о том, как встретили приехавшего из Коломны в начале октября 1480 г. в столицу Ивана III рядовые москвичи: «И яко быс(ть) на посадѣ у града Москвы, ту ж(е) граждане ношахуся въ град в осаду, узрѣша кн(я)зя великаго и стужиша, начаша кн(я)зю великому, обестужився, гл(агола)ти и извѣсты класти, ркуше: “Егда ты, г(о)с(у)дарь кн(я)зь велики, над нами княжишь в кротости и в тихости, тогды нас мног(о) в безлѣпице продаешь, а н(ы)нѣча разгнѣвивъ ц(а)ря, сам выхода ему не платив, нас выдаеш(ь) ц(а)рю и татаром”»⁵¹. Выясняется, что москвичи встретили великого князя с поношением, упрекая его в том, что Иван III «нас мног(о) в безлѣпице» продавал, а теперь, став должником хана, сам за это отвечать не хотел, а желал «нас» выдать «ц(а)рю и татаром». Данный текст давно обратил на себя внимание исследователей, которые на его основании делали выводы об обострении классовых противоречий в Москве во время «стояния на Угре». Действительно, разница позиций великого князя и жителей Москвы обрисована летописцем вполне определённо. Но в рассказе есть и другие детали, характеризующие обстановку в Московском княжестве ранней осенью 1480 г. Из приведённого летописного отрывка выясняется, что Иван III многих москвичей продавал (а продать человека в XV в. можно было только в холопство) по пустяковым обвинениям («в безлѣпице»). За что продавали в холопы? За то же, в чём упрекали москвичи Ивана III, — невыплату причитавшихся другому лицу средств. В отношении холопов Московского княжества, дело, по-видимому, обстояло следующим образом. Из княжеской казны будущему холопу выдавалась небольшая сумма на короткий срок. Если взявший займы деньги человек не возвращал её в строго обозначенный день, над ним вершился быстрый суд, должник объявлялся несостоятельным и отдавался в холопы князю-кредитору. А что делать с массой должников-холопов, великий князь знал сам. Он использовал холопов на разных строительных работах — так же, как это сделал в 1472 г. митрополит Филипп перед началом строительства нового большого Успенского собора в московском кремле. Чувствуя приближение смерти, митрополит в апреле 1473 г. «глаголаше и о людех, их же искупить бѣ

⁵¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 307.

на то дѣло церковное, приказываа отпустить их по животѣ своемъ»⁵². Для отражения ордынской агрессии нужно было обновить старые и возвести новые укрепления, перекрыть для конницы Ахмата завалами и другими препятствиями дороги к Москве, развести речные мосты, создать инженерные оборонительные заслоны на левом берегу Оки в местах бродов через неё. Для этого Ивану III и требовались дешёвые холопские руки. Ахмат упоминает в своём Послании, что видел в лесах «крепкие... пути» русских. Таким образом, отнести это признание к 1480 г., а не к 1472 г. позволяет не только разница описанной в Послании обстановки с ситуацией 1472 г., но и свидетельство 1480 г. русской летописи о стремлении Ивана III в то время увеличить число своих холопов. Они нужны были для строительства различных оборонительных сооружений, которые татары увидели в ходе «стояния на Угре». К завалу же дорог от Оки до Москвы приступили не позднее последней недели июля 1480 г.

Послание хана Ахмата Ивану III содержит также ряд свидетельств, позволяющих судить о времени написания этого документа. Едва ли следует повторять верные доводы К.В. Базилевича, которые он привёл в обоснование своего вывода о написании Послания в ноябре 1480 г., но можно подкрепить его заключение указанием на то, что в Послании в качестве ближайшего будущего упоминается «сердце зимы девяносто дней», т.е. зима. Послание, следовательно, составлялось осенью.

Однако никто из исследователей не писал до сих пор о том, каким числом должен датироваться сороковой день, в который Ахмат ждал получения своих податей в «60 тысяч алтын вешнюю да 60 тысяч алтын осеннюю» от Ивана III. Для определения этой даты необходимо провести предварительные вычисления. Если предположить, что Послание хана Ахмата было составлено в первый день отхода ордынцев от Угры и Оки и что этот день приходился на 11 ноября, то сороковым днём от такой даты будет 20 декабря. Следовательно, указанное число может считаться тем самым ранним сроком, когда выход следовало доставить в Орду. Но выплаты значительных денежных сумм, судя по договорам русских князей, обычно назначались на дни больших церковных праздников, когда души договорившихся людей не должны были оскверняться обманом. По мирному договору 1471 г. Ивана III с Новгородом Великим побеждённые новгородцы обязывались выплатить победителям-москвичам 15 500 руб. и соглашались на то, что «дати намъ то серебро своеи господѣ великимъ княземъ на Рождество святіе богородици полтретьи тысячи рублевъ, а на Крещеніе господне три тысячи рублевъ, а на Великъ день пять тысячъ рублевъ, а на Успеніе святые богородици, в тои же годъ, пять тысячъ рублевъ»⁵³. Самым большим церковным праздником после 20 декабря было Рождество Христово, отмечавшееся 25 декабря. Но это был не только один из основных церковных праздников. По древнерусскому календарю 25 декабря считалось первым днём зимы. Ахмат, видимо, и требовал выплат весеннего и осеннего выхода в такой начальный день, для хана — сороковой после написания ярлыка. Если так, то его Послание Ивану III должно датироваться 16 ноября 1480 г. Вопреки утверждениям Я.С. Лурье, ярлык оказывается не поздним источником, отразившим легендарное восприятие событий 1480 г., а самым ранним памятником, подводившим с ордынской стороны

⁵² Там же. Т. XXV. С. 300. Речь идёт об отпуске на волю холопов, купленных в своё время для выполнения строительных работ. Такая норма для светских и церковных иерархов считалась в Средние века правилом.

⁵³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 25. С. 64.

итог «стоянию на Угре» и намечавшим ближайшую перспективу развития ордынско-русских отношений.

Где же был написан этот документ? Дата 16 ноября чётко указывает на то, что это произошло за пределами литовских и московских земель. При этом нужно иметь в виду, что распространённая в научной литературе дата отхода войск хана Ахмата от берегов Угры и Оки — 11 ноября — не может считаться точной. В опубликованном относительно недавно Владимирском летописце приведена другая дата: «а от Угры царь Ахмут побѣжал мѣсяца ноября 10 день в пяток». В 1480 г. 10 ноября действительно приходилось на пятницу. Эта полная и точная дата (имеющая то преимущество, что в отличие от даты 11 ноября она верифицируется ещё и по дню недели), должна считаться правильным указанием на день отхода восояся хана Ахмата. В таком случае Послание Ахмата Ивану III было составлено на седьмой день после его отхода от «берега». Нужно отметить, что описывая первый поход Ахмата на русские земли в 1472 г., летописец подчеркнул быстрое отступление Ахмата от Оки: «въ 6 днеи к катуням своим прибегоша»⁵⁴. В 1480 г. движение Ахматовой конницы было, вероятно, ещё более скорым из-за холодов. Во всяком случае, становится ясно, что Послание было написано в кочевой ставке Ахмата, и первые слова Послания («от высокихъ горъ, от темныхъ лесовъ, от сладкихъ водъ, от чистыхъ полъ») точно указывают на место его написания — Предкавказье.

Установив, что «Ахматово слово» к Ивану III не подделка, а переведённый на русский язык действительный документ канцелярии хана Большой Орды, точно отразивший многие события прежде всего 1480 г., а в виде реминисценций — и некоторые события прошлого, постараемся непредвзято оценить его содержание в целом. Послание написано многоопытным правителем, не всегда удачливым, но в целом достаточно успешным, высокомерным и надменным, явно презиравшим людей земледельческой цивилизации — «плужных просяников», но воздерживавшимся от их оскорбляющих характеристик, вроде «нечистые», «поганые», «безбожные», которыми пользовались русские летописцы и публицисты в отношении ордынцев в те годы. «Плужные просяники» должны были подчиняться более высокой цивилизации кочевников и иметь видимое отличие от людей этой цивилизации — носить головные уборы с вогнутым внутрь верхом. Власть кочевников над Русью была давно установлена Батыем «сабелным концомъ» и должна оставаться постоянной. В 1480 г. эту власть представлял Ахмат, могущественный правитель, под началом которого находилось 12 поморий и 70 орд, а потому Иван III обязан был давать ему подать. Ахмат также вмешивался в административное устройство московских земель, требуя вывести из Каширы татарского царевича Даныяра. Однако главным требованием Послания Ахмата была выплата подати. Она должна была быть доставлена ему через 40 дней после написания Послания, т.е., по нашим расчётам, 25 декабря 1480 г. В случае невыполнения этого требования Ахмат грозил войной после окончания зимы 1480/81 г., пленением Ивана III, всех его бояр и доставкой их в Орду. Он заявлял о том, что ему известны все укрепления на дорогах, ведущих к Москве, и речные броды через реки, протекавшие близ Москвы, что, несомненно, должно было облегчить ему будущий поход на столицу Ивана III. Он также трезво говорил о своих неудачах в 1465 и в 1480 гг., но напоминал, что его неудача 1465 г. — более крупная, чем в 1480 г. — позднее обернулась для него победой. Никакой

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 298.

растерянности ордынского правителя, не осуществившего в 1480 г. своих планов, желания загладить свою вину за повоевание собственного улуса или же бессильной ярости и неосуществимых угроз Послание хана Ахмата не обнаруживает.

Сам характер «Ахматова слова ко Ивану» таков, что подразумевает немедленное введение его в действие, а не канцелярское хранение, как полагает А.А. Горский. Если Послание было написано 16 ноября, то 17 ноября оно могло быть отправлено с гонцом в Москву. Поскольку в XV в. уже существовали удобные ямские дороги и ямы — остановки для путников, Послание могло быть доставлено в Москву к началу 20-х чисел ноября 1480 г.⁵⁵ Судя по угрожающему тону Послания и средней сумме выплаты — 3 600 руб., требование хана Большой Орды было, скорее всего, выполнено. Но из Послания делалось ясным, что от верховной власти над «русским улусом» хан Ахмат не отказывается, и уже в апреле — мае 1481 г. можно было ожидать нового появления его войск в русских пределах. Этого не произошло. 7 января 1481 г. хан Ахмат был убит в своей ставке на Северском Донце напавшими на него ногайцами и людьми сибирского хана Ивака. Большая Орда распалась на несколько орд, ни одна из которых не была настолько сильна, чтобы претендовать на господство над русскими землями. Монгольское иго на Руси закончилось.

⁵⁵ В большинстве русских летописей, сохранивших описание «стояния на Угре», причиной похода хана Ахмата на русские земли в 1480 г. названо его стремление «разорити хр(и)стианство» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 291). Но в Сокращённых сводах 1493 и 1495 гг., а также в Софийской первой летописи по списку И.Н. Царского добавлено, что хан Большой Орды хотел восстановить порядки, «яко же при Баты было» (Там же. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 282, 355; Т. XXXIX. С. 161). Трудно не видеть здесь влияния «Ахматова слова ко Ивану», в котором именно об этом шла речь.